

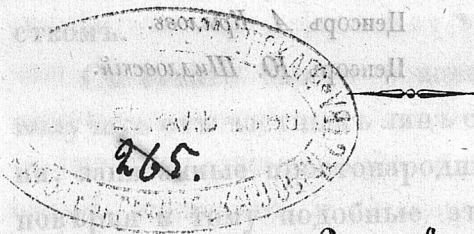
ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ,

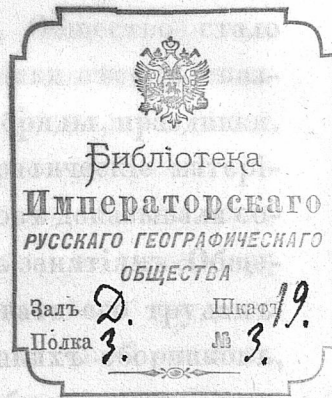
ИЗДАВАЕМЫЙ ИМПЕРАТОРСКИМЪ РУССКИМЪ

ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

n. 26007.

Выпускъ 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1853.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

	<i>Стр.</i>
Сельцо <i>Васильевское</i> , Нижегородской Губерні Нижегородскаго уѣзда (Помѣщика В. Бабарыкина) . . .	4.
Село <i>Ульяновка</i> , Нижегородской Губерні Лукояновскаго уѣзда (Священника М. Доброзракова)	25.
Волость <i>Покровско-Ситская</i> , Ярославской Губерні Моложскаго уѣзда (Священника А. Преображенскаго)	61.
Приходъ <i>Станиловской на Сити</i> (той же Губерні и уѣзда, воспитанника Семинаріи А. Преображенскаго)	125.
Бытъ крестьянъ Тверской Губерні <i>Тверскаго уѣзда</i> (Священника Н. Лебедева)	174.
Бытъ крестьянъ Воронежской Губерні <i>Нижнедѣвицакаго уѣзда</i> (старшаго учителя Воронежской Гимназіи П. Малыхина)	203.
Село <i>Бобровки</i> и окружный его околотокъ (Священника С. Разумихина)	235.
Приходъ <i>Остринскій</i> , Виленской Губерні Лидскаго уѣзда (Профессора Литовской Семинаріи И. Юркевича)	283.
Село <i>Кобылья</i> , Волынской Губерні Новградъ-Волынскаго уѣзда (Протоіерея І. Морачевича)	294.

Мѣстечко Александровка, Черниговской Губерніи Сосницкаго уѣзда (Священника Г. Базилевича) . . . 313.

Домашній бытъ Малоросса, Полтавской Губерніи Хорольскаго уѣзда (Священника А. Иваицы) . . . 337.

Село Майданъ, Нижегородской Губерніи Нижегородскаго уѣзда (Священника М. Добродрава) . . . 225.

Волость Покровско-Смольская, Воронежской Губерніи Мокшанскаго уѣзда (Священника А. Преображенскаго) . . . 61.

Приходъ Смоленской на Сѣмѣ (той же Губерніи и уѣзда, воспитанника Семиварія А. Преображенскаго) . . . 125.

Битя крестная Тверской Губерніи Тверскаго уѣзда (Священника Н. Ледова) . . . 174.

Битя крестная Воронежской Губерніи Нижнедевичьяго уѣзда (старшій унтеръ Воронежской Губерніи) . . . 203.

Село Борзово в окрѣпѣ ея околотка (Священника С. Разумна) . . . 235.

Приходъ Остринскій, Вятской Губерніи Анскскаго уѣзда (Профессора Антовскаго Семиварія Н. Юрковскаго) . . . 283.

Село Кедма, Волынской Губерніи Новград-Волынскаго уѣзда (Протоіерей І. Моравина) . . . 294.

МЪСТЕЧКО АЛЕКСАНДРОВКА *.

ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

СОСНИЦКАГО УЪЗДА.

(Священника Г. Базилевича).

СВѢДѢНІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ И СТАТИСТИЧЕСКІЯ.

До 1794 года мѣстечко Александровка называлось селомъ, а въ этомъ году, по утвержденіи здѣсь, съ разрѣшенія Правительствующаго Сената, торговъ и ярмарокъ, оно названо мѣстечкомъ. И теперь еще есть въ живыхъ люди, которые сами ѣздили по окрестнымъ селеніямъ съ повѣсткой приглашать стороннихъ жителей въ Александровку на ярмарку въ день

* Мѣстечко Александровка лежитъ на С. З. отъ уезднаго города Сосницъ, и находится въ З. части Сосницкаго уѣзда. Изъ пятнадцати мѣстечекъ или слободъ и деревень, упоминаемыхъ въ описаніи, только Чернотичи находится въ восточной половинѣ уѣзда; всѣ же прочія въ западной. Самыя отдаленныя отъ мѣстечка Александровки поселенія, изъ названныхъ здѣсь суть: на С. Перелюбъ и Наумовка, а на Ю. Макошинъ и Куковичи. Остальныя разбросаны около Александровки, въ Западной же половинѣ Сосницкаго уѣзда. *Прим. Ред.*

Пятидесятницы. Но при первомъ же прїѣздѣ людей на ярмарку, одна изъ здѣшнихъ владѣлицъ, теперь уже умершая, начала взыскивать слишкомъ высокія мѣстовыя пошлины, и съ тѣхъ поръ ярмарка эта, съ самаго же появленія ея, навсегда прекратилась. Даже и теперь, когда въ прочихъ селеніяхъ возникли новыя ярмарки *, здѣшняя невозобновляется. А торги въ каждую пятницу бываютъ и нынѣ. Здѣсь продается всякаго рода глиняная посуда, соль, перецъ, имбирь, цитварное сѣмя, кармазинъ и мелкій красный товаръ. Мѣстовыя пошлины, по одной к. сер. съ воза, взимаются и теперь.

Языкъ здѣсь нечисто малороссійскій, а представляетъ смѣсь литовскаго (не польскаго ли?) съ малороссійскимъ. *Число жителей* въ мѣстечкѣ Александровкѣ, при двухъ церквахъ, мужеска пола 1,361, женска 1,423 души.

Происхожденіе свое Александровка ведетъ отъ какого-то Александра, поселившагося первоначально близъ деревни Верховльска. Верховльскіе жители, желая постыть его, обыкновенно говаривали: «хадимъ да Лександра». Такъ въ послѣдствіи времени возникла въ ихъ сосѣдствѣ Лександровка, а писать ее стали Александровкою.

Что деревня Верховльсье, находящаяся въ одной верстѣ отъ Александровки, дѣйствительно древнѣе послѣдней, объ этомъ и теперь сохранилось преданіе у старожиловъ-казаковъ; но годъ, мѣсяцъ и число происхожденія ея неизвѣстны. Только мѣстоположеніе доказываетъ, что Верховльсье селилось подъ лѣсомъ **, при истокѣ рѣчки Мены, какъ обыкновенно прежде люди селились при рѣчкахъ; а Александровка, напротивъ того, поселена какъ будто на время, при колодезѣ. Отъ того и теперь почти во всякомъ дворѣ есть колодезь.

Здѣсь помнятъ древнюю казацкую службу, когда казаки служили дома, учились военному искусству дома, и не дальше, какъ въ семи верстахъ, въ селѣ Киселевкѣ, имѣли свою Сотню. Оружіемъ служилъ имъ списъ, или пика (копье и топоръ

* Въ мѣстечкѣ Синявкѣ, въ 12-ти верстахъ отсюда, учреждена ярмарка въ 1844 году; также и въ селѣ Перелюбѣ.

** Эта деревня названа *Верховльсьемъ* отъ того, что верхи лѣсовъ этой деревни видны издалека.

вмѣстѣ); главною принадлежностью казака была лошадь. Въ селѣ Ольшаномѣ, Волынкѣ и Чернотичахъ были, говорятъ, особыя Сотни или Сотѣнцы, которыя памятны здѣсь потому, что онѣ приносили нѣкогда Правительству жалобу на Александровскихъ и Верховьскихъ казаковъ за то, что послѣдніе, будучи богаты лѣсами *, недопускали ихъ, сотенцовъ, рубить въ дачахъ своихъ дрова для топлива и освѣщенія. По этому Правительству и отвело жалобщикамъ часть лѣса въ Александровскихъ дачахъ близъ Тютюнниковой слободы, а Александровскимъ казакамъ, въ замѣнъ того, — луга за селомъ Куковичами, Сосницкаго же уѣзда. Говорятъ, что и нынѣ нѣкоторые помнятъ, какъ на этихъ лугахъ паслись древнія казацкія лошади. Но Сотенцы выпустили уже отведенные имъ Правительствомъ лѣса изъ своего владѣнія въ стороннія владѣльческія руки, а луга за Куковичами находятся и теперь во владѣніи Александровскихъ и Верховьскихъ казаковъ; только луга эти, въ послѣдствіи, раздѣлились на четыре части, называемыя *куреними*. Каждый курень носитъ особое названіе отъ древнихъ Александровскихъ казаковъ, а именно: курень Зарьцкихъ, курень Коржовъ, курень Зайцовъ и курень такъ-называемый Верховьскій. Каждый курень имѣетъ на 30 человекъ сѣнокоса и небольшое количество пахатной земли. Всѣ они отдаются теперь въ наймы стороннимъ лицамъ, а деньги, отъ найма выручаемыя, поступаютъ въ уплату податей съ казаковъ. Эти курени находятся за тридцать верстъ отъ Александровки, за селомъ Киселевкою, Величковою, мѣстечкомъ Меною и селомъ Куковичами.

Александровка примѣчательна по двумъ древнимъ Царскимъ дорогамъ, между которыми она находится. Изъ этихъ двухъ дорогъ, одна, къ Ю., называется *Царскимъ шляхомъ* и идетъ отъ Чернигова чрезъ мѣстечко Синявку и Киселевку въ Новгородъ-Сѣверскъ. Этою дорогою проѣзжала вѣчной памяти достойная Императрица Екатерина II, въ такъ-называемый здѣсь, по неурожаю хлѣба, дорогой годъ. Другая дорога, къ сѣверу, и гораздо древнѣй-

* И теперь, отъ избытка лѣса, постройка въ Александровкѣ лучше, нежели въ другихъ селеніяхъ; но тѣмъ, что внутри построекъ, Александровка беднѣе другихъ.

шая, идетъ отъ Чернигова чрезъ село Низковку и Каруковку, также въ Новгородъ-Сверскъ. На этой дорогѣ въ дачахъ Александровскихъ находится такъ-называемая *Королевая гребля*, то-есть Королевская гать или плотина. Говорятъ «проезжалъ ею Король», — вѣроятно Польскій, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, до 1667 года, когда Черниговъ находился еще въ подданствѣ Польши. Многіе изъ здѣшнихъ жителей видѣли, что на этой Королевой греблѣ еще торчали мостовыя пали, обветшалыя отъ давности лѣтъ; теперь онѣ уже несуществуютъ, но имя Королевой гребли и теперь еще сохраняется въ народѣ. Къ западу отъ Александровки нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ мѣстечка Синявки, гдѣ каждую субботу бываютъ весьма хорошіе торги хлѣбомъ и разными хозяйственными издѣліями, также грибами и краснымъ товаромъ. Къ востоку замѣчательно одно болотистое мѣсто, называемое *Гале*. Въ немъ полагать можно примѣрно болѣе десяти десятинъ. Любопытно это мѣсто потому, что досель не изслѣдовано, отъ чего на немъ рождается трава, которую не ѣсть скоть, тогда какъ траву, растущую на всѣхъ прочихъ болотахъ, онѣ ѣсть охотно. Люди не заботятся объ этомъ болотѣ, и скоть, какъ бы голоденъ ни былъ, не ѣсть снятаго съ него сѣна, и даже травы. Кругомъ трава побита; а Гале какъ будто кто охраняетъ: тутъ трава цѣла! Скоть даже никогда не ходитъ по Гале, развѣ только въ первые дни весны, когда на немъ начинаетъ появляться трава, которая здѣсь называется «смычай черноголовый»: въ это время, и то рѣдко, какъ говорятъ Верхольскы, «рогатый скоть походитъ по Галу»; а послѣ оно остается неприкосновеннымъ, и однѣ только птицы, крачки, водятся въ немъ. Мѣсто это отъ Александровки въ двухъ верстахъ, а отъ Верхольскы въ одной верстѣ, почти въ лѣсѣ, въ правой сторонѣ отъ дороги, называемой здѣсь *военною*, потому что по ней проходятъ войска.

Не доходя отъ Военной дороги до болотнаго мѣста, есть возвышенность, похожая на могилу, которая называется *Блтуркой*. Преданіе гласитъ, что тутъ погребень батуривскій житель, стяжатель излишней земли; но говорятъ объ этомъ различно. Одни утверждаютъ, что житель этотъ договорился съ другимъ человекомъ объжать въ очень короткое время болото Гале, съ тѣмъ, чтобы оно ему досталось, и недобъ-

жавъ до дороги, упалъ и умеръ на мѣстѣ, прозванномъ Батуркой; отъ того Гале считаютъ мѣстомъ заклятымъ, и для скота негоднымъ. Другіе же, шестидесятилѣтніе грамотные люди, по преданію отцевъ, рассказываютъ иначе, но неправдоподобно, будтобы въ самомъ мѣстечкѣ Батурино, во время Гетманщины, одинъ Батуриискій житель просилъ себѣ земли у князя Гетмана, проживавшаго тамъ же въ Батурино. Этому просителю определено будто было дать земли столько, сколько онъ безъ отдыха пробьжить. Проситель былъ такъ силенъ, что пробьжалъ, безъ отдыха, отъ Батурина за деревню Верхольсье (болѣе 40-ти верстѣ); тамъ, близъ военной дороги, около Галаго, упалъ, и, падая, еще протягивалъ вдалѣ правую руку, и кладя ее на землю, говорилъ: «и се ище мое», но съ этимъ словомъ умеръ, ничего не получивши. Послѣ этого, надъ нимъ сдѣлана высокая насыпь или могила, называемая Батуркой. Нынѣ каждый мимоидущій или ѣдущій обязанъ бросить что нибудь на эту могилу, какъ бы въ утоленіе алчности покойнаго. Эта могила теперь уже значительно обрушилась, но все еще весьма замѣтна, и извѣстна не только старому и малому изъ здѣшнихъ жителей, но даже и чужесельцамъ, потому что, идя мимо, нельзя незамѣтить на ней всякаго рода накиды, какъ-то: стна, соломы, щепокъ, старыхъ лаптей, одежды и тому подобнаго, что только можно бросить. Отсюда и вошло въ народъ въ обычай, когда кто бросить что нибудь на другаго, говорить: «шо ты на мене кидášь? Ничѣ (какъ будто) на Батурку!»

СВѢДѢНІЯ ПРАВООПИСАТЕЛЬНЫЯ.

Пословица о Батуркѣ напоминаетъ другую поговорку, которая, смотря по тону, какимъ произносится, имѣетъ разныя значенія. Въ простомъ народѣ старыя и малыя говорятъ здѣсь весьма чисто: *атожь!* Произнесенное въ веселомъ расположеніи духа оно означаетъ подтвержденіе; въ этомъ случаѣ удареніе переносится обыкновенно съ *о* на *а*, и говорится: *áтожь!* — Но кто говорить «*атожь*» съ досадою и съ неудовольствіемъ, тотъ переноситъ удареніе съ *а* на *о*: *атóжь*; это слово въ такомъ случаѣ означаетъ отрицаніе. Напримѣръ, если вы спросите взрослога человѣка: «эта ли дорога до Чернигова!» — онъ

вамъ скажетъ весело : «а́тожь!» — Это значить : да ! такъ-точно ! но еслибъ вы спросили : пойдёшь ли ты въ городъ, а онъ вамъ скажетъ съ неудовольствіемъ : «а́тожь», и при этомъ еще сдѣлаетъ движеніе головою, то значить, что онъ вдвойнѣ отрицаетъ. Если же на вопросъ : «пойдешь ли въ церковь?» онъ скажетъ съ удовольствіемъ одно только : «а́тожь!» то это значить всё равно, какъ бы онъ отвѣчалъ : какъ же нейти? пойду непременно! — Забавнѣе всего, когда скажешь ребенку : «пойди ко мнѣ!» а онъ угрюмо отвѣчаетъ на распѣвъ : «а-то-жь!» то-есть нехочу. Скажите ему : «сдѣлай вотъ это!» онъ отвѣтитъ съ неудовольствіемъ : «а́тожь! буду!» — это всё равно, что : не буду! — Но если сказать ему : «дать тебѣ вотъ-это?» онъ кратко скажетъ : «а́тожь!», и при этомъ будетъ радъ, это значить : дай!

Гдѣ найти въ русскомъ языкѣ другое слово, которое бы служило и отрицаніемъ и вмѣстѣ подтвержденіемъ, какъ Александровское : а́тожь?

Другая отличительная черта Александровца та, что онъ не говорить о себѣ «я», а всегда «мы». — «Оцѣ мы прышлы до тебѣ, батюшка! — дытя вмерло!» — такъ обыкновенно объявляетъ священнику Александровецъ о смерти своего дитяти. Но если спросить его: отъ какой болѣзни оно умерло? на это онъ отвѣчаетъ: «не скажу, батюшка!» то-есть не знаю. *

Разговаривая между собою, казаки почти всегда говорятъ другъ другу «вы». Даже и помѣщичьему крестьянину они говорятъ *вы*, а не *ты*: «чи вы не знаете, дома павъ?» Но въ присутствіи самаго пана, или владѣльца, они говорятъ ему *ты*: «ты, добродію!»

Старые люди имѣютъ слѣдующій, весьма похвальный обычай: какъ бы они ни были раздосадованы въ своемъ семействѣ, или посторонними людьми, они никогда не употребятъ неприличнаго ругательства. При крайнемъ огорченіи они говорятъ тому, кто ихъ разсердилъ: «лихо батьку!», и никогда не прибавятъ: «твоему». — По ихъ мнѣнію, для досадителя нестерпимая обида, а для обиженнаго непростительный

* «Батюшкою» обыкновенно называютъ молодаго священника; а стараго зовутъ: «папоче!», то-есть; павъ-отче.

грѣхъ указывать на такого-то покойника, или отца. Потому-то они неопредѣлительно говорятъ только: «лихо батьку!»

Также похвалны и другіе обычаи Александровскихъ жителей. Каждый хозяинъ, или домоправительница, невидимо сохраняютъ въ своемъ домѣ три священныя предмета, а именно: крестъ, артось и святую воду. Крестъ хозяйки пекутъ сами изъ кислаго хлѣбнаго тѣста въ средопостье (на крестопклонной недѣлѣ, въ среду); этотъ день обыкновенно называется: Хрестье.* Крестъ засушиваютъ и цѣлый годъ онъ лежитъ въ анбарѣ на житной мукѣ, изъ которой пекутъ хлѣбъ. Артось ежегодно получается въ церкви отъ священника въ артосную недѣлю; по вкушеніи онъ также засушивается, и хранится въ жилой избѣ или за иконами, или въ такъ называемой здѣсь круглой боднѣ съ крышкою, употребляемой вмѣсто сундука. Св. вода сперва приносится въ домъ изъ церкви 5-го января, съ навечерія Богоявленія, и называется «вечернею водою». Затѣмъ на самое Богоявленіе опять приносится вода, по освященіи ея близъ Верховльска на водѣ, или въ Александровкѣ, близъ колодезя, и называется просто «Богоявленскою водою». Эта вода смѣшивается съ первою; послѣ же она смѣшивается съ водою, освященною на житахъ 23-го апрѣля, въ Юрьевъ день, и съ водою, освященною въ церкви 1-го августа, въ день Маккавѣевъ. Святая вода хранится въ погребѣ, гдѣ вариво. Эти три священные предмета тщательно сохраняются хозяевами, и когда во дворѣ родится какое либо животное, или птица, то хозяйка кропитъ новорожденное святою водою; крестомъ же хозяйинъ, въ день Богоявленія, самъ освящаетъ всю постройку въ домѣ, и то мѣсто въ пунѣ, или въ клунѣ, гдѣ хранится жито. Съ крестомъ и артосомъ въ лѣвой рукѣ хозяйка выгоняетъ въ первый разъ весною скотъ на пашню, окропивъ оный предварительно святою водою, а въ правой рукѣ непременно держитъ въ такихъ случаяхъ вербу, полученную въ вербную недѣлю въ церкви отъ священника и, подгоняя ею скотъ, говорить: «иди себѣ съ Богомъ!» Съ крестомъ и артосомъ хозяйинъ выходитъ также въ первый разъ весною орать поле, или какъ здѣсь говорятъ: за-

* Въ этотъ день—на Хрестье—сеютъ въ огородѣ, обыкновенно по сыгу, макъ, и онъ хорошо родится.

орувать; также съ ними идетъ онъ въ первый разъ съять. По возвращеніи онъ долженъ крестъ и артось положить въ свое мѣсто. По истеченіи года, когда на Хрестѣ печется новый крестъ изъ кислаго тѣста, старый сухой крестъ размачиваютъ въ водѣ и съѣдаютъ; прежній артось также съѣдаютъ по принесеніи новаго изъ церкви въ артосную недѣлю, и всегда съѣдаютъ его прежде новаго; оставшуюся же святую воду даютъ допивать 5-го января дѣтямъ, которыя не въ силахъ поститься въ такъ называемую здѣсь голодную кутью, то-есть до навечерія Богоявленія; а если останется вода и отъ дѣтей, то ее выливаютъ въ колодезь; говорятъ, что нѣкоторыя старушки сохраняютъ ее надолго.

Сверхъ того, въ *Новый Годъ* (1-го января) люди собираются къ литургіи во множествѣ, благодарить за прошедшее лѣто и благословиться на наступившее; а мальчишки, еще до обѣда, ходятъ въ этотъ день къ лучшимъ хозяйкамъ и поздравляютъ ихъ съ Новымъ Годомъ и праздникомъ Василія Великаго, причемъ приносятъ съ собою всякія съмена, смѣшиваютъ ихъ и, заставя ими полъ, приговариваютъ:

Зароди, Боже,
Жито пшеницу,
Всяку пашницу!

Будьте здоровы, съ праздникомъ и съ Новымъ Годомъ!

Здѣсь соблюдается также интересный *обычай* ходить въ день Рождества Христова съ *звѣздою*; грамотные казаки дѣлаютъ изъ бумаги кругообразную, двойную звѣзду, такъ чтобы между обѣими половинами ея оставалось пустое пространство; на каждой половинѣ рисуютъ человѣческой образъ съ сіяніемъ, и всю бумагу вымазываютъ коноплянымъ масломъ; потомъ звѣзду высушиваютъ и ночью ставятъ внутри ея горящую свѣчу, такъ что рисунокъ выказывается весьма ярко. Этотъ круглый рисунокъ или звѣзда утверждается на шпиль, такъ, чтобы она могла двигаться или вертѣться около шеста. Съ такою звѣздою поютъ подь окошками слѣдующую псалму:

Шедше тріе Цары,
Ко Христу со дары;
Продъ ихъ пригласивъ, куда идутъ? испросивъ 2 (*повторяють два рази*).
Отвѣщана ему:
«Идемъ къ Рожденному!»

Къ Рожденному ѱдите и мини возвестите; 2

Азъ шедъ поклонюся,

Предъ Царемъ смирюся,

Воздамъ честь обычну, Цареви приличну. 2

Ангель къ нимъ явился:

Де Христось родився,

Тамо идё и звезда; здё обряцете Христа! 2

Звезда идеть чудно,

Съ Востокъ на полудно,

Надъ вертепомъ сїяе, Христа Цара являє. 2

Ангели вьшають,

На путь наставляють :

Инымъ путемъ идите, ко Ироду нейдите. 2

Болыи возвратившись,

Въ Ирода не бывши,

Воспять возвратишася, невоцпе трудишася. 2

Пришли въ страны свой,

Христа славослови,

Чають въ неби житы, на вьки служиты. 2

Слава жь, ти, Рожденный!

Въ ясляхъ положенный!

Прими, Христё! человики, во вьчпые во вьки! 2

Поють также и слёдующую пьснь, называя ея псалмоу:

Нова радость стала,

Якá не бывала;

Надъ вертепомъ звезда ясна свиту возсияла! 2

Де Христось родився,

Зь дьвы воплотився,

Тамъ чловикъ пеленами предъ Богомъ повився; 2

Де Царь Давидъ пребывае,

На вси струны ударяе.

На вси струны ударяе, Бога вьхваляе. 2

Пастушки зь ягнятками

Передъ тымъ дитяткомъ

На колыньцахъ упадають, Христа прославляють. 2

И мы веселимся,

Христу поклонимся

Яко Цару Рожденному, Богу небесному! 2

Просимъ о ти, Цáру!

Небесныйи хвалу!

Пошли льта щастливые сему господáру! 2

Последнимъ словомъ указывають они на того хозяина, подъ окошкомъ котораго поють. А если хозяинъ хочеть чтобы они пропьли ему въ избь, то войдя въ домъ, поють:

Дай же, Боже, вечеръ добрый!
Вамъ, Божіи люде,
Хто въ симъ доми пребываетъ,
Нехай здоровъ буде!
Щось вамъ скажутъ и объявятъ
Охотно почуйте:
Богъ, Владыка
Всего вика,
Пришовъ днесъ къ намъ жити;
Архангелы и Ангелы
Писнь Ему воспеваютъ;
Согры (горы) скачутъ, холмы пляшутъ,
Весь свить весельтъца.
Чась намъ радости и сладости,—
Чего намъ смутытъца?
Торжествуйте, ликовствуйте, весь міръ—человики!
Восхвалите, прославите Христа во вся вики!

Свѣтлое Христово Воскресеніе празднуютъ здѣсь тихо и чинно. Въ этотъ день нѣтъ злобы; всѣ христосуются въ семействахъ и съ сторонними людьми, а суетливая мать не можетъ пошумѣть даже и на нескромныхъ мальчишекъ; въ противномъ случаѣ мужъ тотчасъ сдѣлаетъ ей такое замѣчаніе: «Таки сей день хоть можно стерпеть таби» — ... Въ этотъ день приносятъ въ церковь до обѣдни «на цвынтаръ», или на паперть святить пасхи, приготовленные гораздо лучше обыкновенныхъ куличей, а именно: здѣсь пекутъ круглые хлѣбы, выпе обыкновенныхъ, пшеничные (изъ домашней пшеницы), или же ситные; на каждомъ изъ нихъ непременно выложенъ изъ тѣста крестъ; верхняя часть хлѣба желтится инбиремъ, смѣшаннымъ съ водою, что придаетъ ему отличный видъ. Кроме пасхи обыкновенно святится соль, крашенныя яйца, колбасы, и непременно жареный поросенокъ, съ хрѣномъ въ зубахъ. По прибытіи домой, вкусивъ пасхи, тотчасъ ѣдятъ немного хрѣну, приговаривая: «кукусить себѣ не много хрѣну, шобъ глисты замерли!»

День Сошествія Святаго Духа, или Пятидесятницы, также празднуется здѣсь отлично весело, быть можетъ потому, что Пятидесятница здѣсь храмовый праздникъ. Въ избѣ и на дворѣ ставятъ въ этотъ день зеленныя деревья и постилаютъ траву. На другой день Пятидесятницы, въ праздникъ Св. Троицы, прино-

сятъ въ церковь къ литургіи цвѣты и всякое душистое зѣлье, которое священникъ, во время обхода съ процессіею вокругъ церкви послѣ обедни, окропляетъ святою водою; при этомъ случаѣ каждый старается поднести свое зѣлье поближе къ священнику, для того чтобы оно непременно было окроплено. Всѣ поднимаютъ свои цвѣты и зѣлья вверхъ, какъ бы предупреждая одинъ другаго, такъ что въ это мгновеніе священника почти невидно за поднятыми кругомъ его зѣльями. По принесеніи въ домъ, зѣлья высушиваются и, въ случаѣ чьей либо смерти, кладутся въ гробъ, подъ голову покойника.

Праздникъ Усѣкновенія Честной Главы Предтечи (29-го августа) празднуется, напротивъ того, уныло. Въ этотъ день многіе ничего неѣдятъ до вечера, другіе же даютъ обѣтъ поститься въ этотъ день, напр. чтобъ быть здоровыми и т. п.

Празднованіе Воздвиженія Честнаго Креста (14-го сентября) замѣчательно здѣсь тѣмъ, что изъ-подъ креста берутся изъ церкви васильки, для укрошенія припадковъ, бывающихъ у младенцевъ. Обыкновенно кладутъ эти васильки больному подъ плечи и по вѣрѣ бываетъ облегченіе.

Равнымъ образомъ и верба, взятая въ церкви отъ священника въ Вербную недѣлю, имѣетъ, по мнѣнію здѣшнихъ жителей, цѣлебную силу. Въ случаѣ испуга дѣтей, ее пережигаютъ въ порошокъ и даютъ дѣтямъ пить съ водою. Свѣчка, которая въ Вербную утреню не догоритъ на вербѣ, приносится домой и кладется въ льняныя сѣмяна; съ этимъ огаркомъ съютъ лёнъ, вѣруя, что молнія не прибѣдетъ льна.

Страстною свѣчою окуриваютъ здѣсь также «причинныхъ» или припадочныхъ. Во время грозы ее зажигаютъ и ставятъ на столъ, покрытомъ бѣлою скатертью.

Въ день Преображенія (6-го августа), кромѣ плодовъ, освящается еще крестъ, сдѣланный изъ житныхъ колосьевъ или вѣнокъ, для перваго житнаго посѣву, и святится новый медъ въ стельникахъ.

Въ день Благовѣщенія закармливаютъ въ первый разъ пчелъ благовѣщенскою просфорою, взятою въ этотъ день на всеношномъ бдѣніи.

Юрьевъ день (23-го апрѣля) празднуется здѣсь торжественно. Всѣ, и старый и малый, идутъ послѣ литургіи изъ

церкви, вмѣстѣ съ духовною процессіею, прямо на житное поле; тамъ одинъ изъ хозяевъ предварительно ставитъ на своей ближайшей нивѣ столъ, постилаетъ на немъ бѣлый покровъ и кладетъ хлѣбъ и кусокъ соли, около же стола приготовляетъ воду въ сосудъ, для освященія; къ этому мѣсту приводитъ онъ всю духовную процессію, неся самъ впереди храмовую икону, или икону Св. Георгія. Подъ столомъ въ это время бываетъ скрыта трапеза съ виномъ, которую ѣдятъ уже по вкушеніи всіми освященной здѣсь воды и по окропленіи житныхъ полевъ. За тѣмъ расходятся до обѣда. Послѣ обѣда каждый хозяинъ съ своими пріятелями опять идетъ въ поле смотреть свой житный посѣвъ; они также несутъ питье и закуски; а молодежь собирается особо толпами и тутъ бываетъ музыка, пѣсни и прочее.

Въ Омиинъ понедѣльникъ не поютъ уже никакихъ пѣсень, а только очень часто говорятъ: «свѣчая память умершимъ». Каждый хозяинъ куритъ у себя въ избѣ ладономъ, кладя его на горяшіе уголья. Послѣ Свѣтлой недѣли, во время которой трезвонятъ во весь колокола, въ Омиинъ понедѣльникъ колоколь уже уныло зоветъ встѣхъ къ вечерни, и каждый хозяинъ или хозяйка несетъ въ церковь къ вечерни четыре теплыхъ хлѣба за умершихъ; эти хлѣбы называются панихидою; кромѣ того, хозяинъ несетъ съ собою восковую свѣчу, не много ладону и небольшой сосудецъ съ медомъ, и еще до вечерни даетъ причетникамъ вписать вновь умершихъ въ принесенную имъ поминальную книжку. Послѣ вечерни отправляется въ церкви, по всімъ усопшимъ, общая положенная по Уставу панихида, на которой *воспоминаются священникомъ все умершіе, по имени.* Потому-то этотъ день и называютъ *поминальнымъ* понедѣльникомъ.

Вторникъ Омииной недѣли называютъ *проводами*, тогда какъ у Велико-Руссовъ праздникъ Воскресенія Христова проводятъ на могилки, для возвѣщенія воскресенія и мертвымъ, въ понедѣльникъ. Проводами, называютъ здѣсь вторникъ Омииной недѣли въ память того, что по воскресеніи Спасителя воскресли вмѣстѣ съ Нимъ и некоторые изъ мертвыхъ *. Въ этотъ

* На этомъ основаніи въ понедѣльникъ вечеромъ сперва поминаются умершіе, а уже послѣ, во вторникъ, провожаютъ ихъ на могилы. — Проводы

вторникъ, а не въ понедѣльникъ, отправляется обыкновенно литургія о умершихъ, и послѣ обѣдни каждый хозяинъ идетъ на могилу своихъ родныхъ, и тамъ читаетъ: «Христосъ воскресъ» (трижды), «Оче нашъ» и «вѣчную память умершимъ!» За тѣмъ, разумѣется, бываетъ угощеніе приходящимъ на могилу. Нѣкоторые зовутъ и священника.

Дѣлаютъ также поминанія третинныя (послѣ смерти въ 3-й день), девятинныя (въ 9-ый день), шестинедѣльныя (въ 40-ый день) и въ особенности годовыя, по давно умершимъ. Последнее бываетъ довольно веселое за обѣдомъ, потому что здѣсь отправляется служеніе и о здравіи живыхъ.

Поминаютъ также мертвыхъ во весь Великій постъ по средамъ и пятницамъ до страстнаго четверга, но безъ панихиды. Панихиды служатъ обыкновенно въ недѣлю передъ Вознесеніемъ*, въ субботу передъ зеленой недѣлей, или Пятидесятницей, и осенью въ три субботы, изъ коихъ первая называется Дмитріевой, передъ 26-мъ октября, вторая Козьминой, передъ 4-мъ и третья Михайловской, передъ 8-мъ ноября. Всѣ эти субботы называются *дпды*.

Въ Александровкѣ отправляются также молебны о здравіи живыхъ въ первый воскресный день по новолуніи; ходятъ для здравія въ Петровъ постъ на богомолье въ Кіевъ за 150 верстъ, въ Рыхловскій и Домницкій монастыри и, кромѣ того, въ село Макошинъ, на поклоненіе Чудотворной иконы Божіей Матери; наконецъ, тѣ изъ молодежи, у кого болятъ глаза или голова, ходятъ, какъ обыкновенно говорятъ, до *Криници*. Криница находится въ 15-ти верстахъ отъ Александровки, близъ села Наумовки, Сосницкаго уѣзда, въ экономіи помѣщика Милорадовича, называемой *Каруковскою*, и есть нечто иное, какъ ключъ чистой и холодной воды; сначала оныя были обведены срубомъ, но въ послѣдствіи, по причинѣ стеченія народа, здѣсь устроена каплица въ видѣ часовни, и въ ней поставлены иконы. Чтенія здѣсь не бываетъ никакого; приходящіе въ часовню, обыкновенно въ первый воскресный день по новолуніи, при празднику Воскресенія Христова дѣлаютъ здѣсь въ среду предъ Вознесеніемъ, что, кажется, правильнѣе.

* До *Вшестья*, то-есть до Вознесенья, каждый хозяинъ вмѣняетъ себя въ обязанность служить панихиду.

носятъ съ собою свѣчи, зажигаютъ ихъ передъ иконою, и кладутъ поклоны; затѣмъ умываются криничною водою, берутъ ее въ сосуды и уходятъ домой. Криница, по вѣрванію здѣшнихъ жителей, имѣетъ цѣлебную силу для глазъ.

Къ числу повѣрій должно отнести, что въ пятницу Александровскіе казаки не орутъ, а семейства ихъ не работаютъ. Въ первый разъ идутъ въ поле орать, или, какъ здѣсь говорятъ, *заорывать*, и въ первый разъ зажинать жито и заламывать табакъ — при старомъ мѣсяцѣ, или при старолуніи, и притомъ въ такіе дни, въ кои не случалось праздниковъ Благовѣщенія, Срѣтенія и т. п. Говорятъ, что, въ противномъ случаѣ, будетъ что нибудь неладно: непременно кто либо заболитъ изъ людей, или скота, или изломается что либо изъ земледѣльческихъ орудій.

Есть также повѣрье, что въ понедѣльникъ послѣ зеленой недѣли и на самой зеленой недѣлѣ въ среду и четвертокъ, не должно ничего дѣлать. Четвертокъ этотъ называютъ «сухимъ четвергомъ»; въ это время нельзя даже полоть въ огородѣ, ни шить въ избѣ. А почему? на это отвѣчаютъ: «боимся русалокъ, чтобъ насъ не задавили.» Повѣрье о русалкахъ почти повсемѣстное; здѣсь въ простомъ народѣ рассказываютъ объ нихъ слѣдующее:

Русалки не иное что, какъ люди, умершіе на зеленой недѣлѣ, женщины и мужчины. Кто въ сухой четвертокъ или въ среду, или въ понедѣльникъ послѣ зеленой недѣли работаетъ, на того онѣ нападаютъ въявь или во снѣ и мучать, именно лоскочать (щекочуть), щиплютъ, кусаютъ, водятъ въ житахъ, болотахъ и заставляютъ съ собою танцевать, а играютъ на лыжѣ. Если между русалками случится родственникъ того, который работалъ въ заповѣдные дни, то онѣ защищаютъ виновнаго и не позволяютъ всѣмъ надъ нимъ издѣваться.

Это странное повѣрье уже слабѣетъ. Нынѣ досталось мнѣ въ первый разъ спрашивать объ этомъ старуху, болѣе другихъ уважаемую въ своемъ кругу, и она увѣрила меня, что ея ятровка (жена ея деверя) видѣла этихъ русалокъ, и онѣ чуть-чуть ее не задавили за то, что она мѣла бѣлье въ понедѣльникъ послѣ зеленой недѣли. Гдѣ и какимъ образомъ случилось это съ нею? спросилъ я. — Она спала въ сѣняхъ, отвѣчала старуха, около оконца, и въ это оконцо русалки тянули ее съ

визгомъ и шипали. Но вдругъ затрубило что-то въ трубу и русалки сказали: ну счастливъ же твой Богъ, что нашъ старшій затрубилъ въ трубу! А то не быть бы тебѣ живой! Тыбъ знала, «какъ платье отжимать у панедилокъ».

Есть также повѣрье, что нѣкоторые портятъ людей такъ-называемымъ даньемъ *, то-есть: злые люди, потчуя въ бѣсѣдѣ горькою, даютъ кому нибудь тайно, по злобѣ, въ горячемъ винѣ, какой-то ядъ, отъ чего животь пухнетъ и человѣку становится нестерпимо больно, такъ что отъ данья, говорятъ, можно умереть. Отъ этаго лечатъ здѣшніе же люди: они вскорѣ послѣ данья заставляютъ принимать какое-то растеніе, отъ котораго сильнѣйшія бывають рвоты, и за тѣмъ больной получаетъ облегченіе. Противъ этаго суевѣрія дѣйствовать трудно, потому что оно извѣстно только тѣмъ, которые даютъ данье.

СВѢДѢНІЯ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЯ.

Много уже сказано объ Александровкѣ, но не показано отличительнаго характера Александровскихъ жителей. Почти все они слабы **, бѣдны *** и трудолюбивы. Старый и малый идетъ праздникомъ въ лѣсъ, за грибами и орѣхами ****. Продавши ихъ, бѣднѣйшіе покупають себѣ одежду или платятъ подати.

Что они дѣйствительно трудолюбивы, видно даже изъ того, что у нихъ каждая работа ознаменована такою пѣснью, въ которой трудъ похваляется, а лѣньность порицается. Такъ на примѣръ:

1. Передъ праздникомъ Іоанна Крестителя, въ Петровки, семейство, выловивъ на огородѣ свои грядки, обыкновенно поетъ пѣсню, въ которой хвалится своею дѣятельностію, а надъ лѣньностію другихъ смѣется.

* О дань я услышалъ впервые въ Александровкѣ. Не знаю, есть ли еще гдѣ такое повѣрье.

** Отъ того каждый носитъ жилетъ изъ сукна собственнаго издѣлія, длиннѣе дворянской. Сторонніе жители говорятъ: *Александровецъ въ жилеткѣ*. Слабы они еще и потому, что очень мало долголѣтнихъ.

*** Ибо людей съ деньгами нѣтъ здѣсь ни въ какомъ званіи.

**** Ходятъ также и грести сѣно. А грибы продаются отъ 15-ти до 25-ти коп. серебромъ за фунтъ. Орѣхи по 2½ копейки за фунтъ.

Ой чій-то лёнъ за горою,
Зарусь зильсэмъ, лободою?
Той-то лёнъ за горою (здесь вставляется имя лънивой сосѣдки).
За чимъ вова не сполола?
То за тимъ, то за симъ, за сномъ частымъ. Гу!

Последнее «гу» — поютъ съ особенной протяжкой и съ возвышеніемъ голоса, чтобъ лънивая сосѣдка слышала. Въ другое время, когда нѣтъ заросшаго льну, никогда не поютъ этой пѣсни: значить, она сложена собственно для лънивыхъ.

2. Впродолженіе гребовицы поютъ такую же пѣсню:

Ой чіи то гребци,
Дивки, молодци?

Греби, погребай! Боже помогай!

Ивановы гребци,
Дивки, молодци.

Греби, погребай! Боже помогай!

Гребци молодые,
Грабли золотые.

Греби, погребай! Боже помогай!

Опанасовы жъ гребци, — (т. е. сосѣда Афанасія)
Старые бабци;

Греби, погребай! Боже помогай!

Грабли дровенные,
И самы старые.

Греби, погребай! Боже помогай!

3. Косовицкое время имѣетъ также свои пѣсни. Достоинно замѣчанія, что въ Косовицу люди отлично веселятся, какъ будто Богъ знаетъ сколько дохода приносить имъ сѣно! Бѣдутъ на сѣнокосъ, а особливо возвращаются съ сѣнокоса, съ шумными пѣснями, и не одни мужчины, но и женщины во это время веселятся. Отправивши своихъ мужей на сѣнокосъ, онѣ собираютъ обыкновенно своихъ подругъ и кумушекъ, и говорятъ: «нумъ (будемъ) ложки мыть» послѣ завтрака мужей; или: «ходимъ до такой-то ложки мыть»: это значить, что въ томъ дворѣ, куда собираются косари, хозяйка сама въ большихъ сустахъ, ухаживая за косарями и вновь приготавливая пищу, къ ихъ возвращенію, а потому онѣ, подъ этимъ предлогомъ, идутъ ей помогать, или, какъ говорятъ, *ложки мыть*. Тутъ-то пѣютъ такъ - называемую *косарщину*. Часто случается, что косарщина въ домъ больше стѣять хозяйину, нежели самы косари на сѣнокосъ; ибо послѣд-

ніе, хотя и пьютъ, однако трудятся до-поту; а здѣсь, дома, женщины цѣлый день дурачатся, наряжаясь смѣшнымъ образомъ въ лучшее, праздничное платье, и ходятъ по селу, припѣвая и подпивая, отъ чего уборъ ихъ дѣлается еще смѣшнее, и люди говорятъ: «отъ нарядылась! наче (точно) медвѣдья!» О цѣломъ собраніи наряженныхъ такимъ образомъ бабъ, когда онѣ идутъ по селу, говорятъ обыкновенно: «медвѣдья йде». — Входить въ подробности о пѣсняхъ косарей и медвѣдицъ считаю излишнимъ.

Достопримѣчательнень у насъ при косаряхъ одинъ старикъ — «старець» по малороссійски, а по русски нищій — казакъ Андрей Шуть, слѣпой, съ инструментомъ, называемымъ бандурою, которой онъ увеселяетъ косарей и подъ звуки которой поетъ пѣсни, по большей части въ честь Казацкаго Гетмана Хмѣльницкаго. — Сказано, что Господь умудряетъ слѣпцы: это на немъ видно. Не говоря о томъ, что этотъ нищій, при всей своей бѣдности, старается уплачивать всѣ повинности, — онъ еще, вдобавокъ, и отличный мастеръ плести канаты и всякаго рода веревки изъ конопель (пеньки). Но всего удивительнѣе его память! Преобширныя малороссійскія вѣрши (поздравительныя стихи) на Рождество и Воскресеніе Христова, преобширныя историческія пѣсни въ честь Гетмана Хмѣльницкаго, все это онъ — и одинъ только онъ — хранитъ здѣсь по преданію *.

Изъ всѣхъ сокровищъ мудраго старца сообщаю только одну пѣсню:

Якъ одъ Кумынщины, да до Хмельщины, **
А одъ Хмельщины, да до Добрянщины,
Якъ одъ Брянщины, да и до сѣго жъ то дня,
Якъ у земли Королевьськуй, да добра не було.
Якъ жиды рандари (арендаторы) вси шляхи козацьки зарадовали (въ откупъ взяли);

* Добрѣйшій этотъ старикъ знаетъ въ честь Хмѣльницкаго много пѣсней; а сверхъ того рассказываетъ, по преданію, что Хмѣльницкій въ *хмѣлю* найденъ, и потому названъ Хмѣльницкимъ. За тѣмъ взросъ онъ при Королѣ Польскомъ, нашель тамъ въ бумагахъ кому принадлежала Малороссія со временъ Владимира и ушелъ отъ Короля въ Запорожье, гдѣ служилъ добре и наконецъ прогналъ Ляховъ изъ Малороссіи. Андрей поетъ всѣ записанныя здѣсь пѣсни, а также и пѣсню о *войнѣ Хмѣльницкаго съ Волохами и Ляхами*, да, сверхъ того, многіе псалмы на разные церковныя праздники.

** У Хмѣльницкаго Гетманъ Барбашъ былъ кумомъ; отъ того Кумынщина.

На однуи милл
Да по три шинки становылы;
Ставовылы шинки по долынахъ,
Зводылы щоглы (шосты) по высокыхъ могилахъ,
Да брамы мигу промиту (пошлину мостовую.)
Одь (отъ) возоваго (который съ тельгою—съ возомъ ъдетъ).
По повзолотога (ползолотой—10 к. или 5 грошей),
Одь пышого - пшеницы (отъ пшшаго бѣдняка)
По три денежки мита брамы;
Одь неборака (отъ бѣднѣйшаго) старца
Брамы крупы да яйца,
Да - й - ще пытае:
Щы нема, котыкъ, сце пого (нѣтъ ли, котыкъ! еще чего)?

(Такъ обыкновенно Андрей Шуть передразниваетъ Еврея.)

Ще жъ - то жиды рандари въ томъ не перестали:
На славнуи Украины вси козацьки церкви зарондовали.
Которому бѣ то давъ Богъ козаку, альбы мужику,
Дытыну появыты (дита родить):
То нейды до пона благословитьца,
А пойды до жиды до рандара, да положъ шостакъ (деньги такія),
Щобъ позволивъ церковь одчиниты (отворить),
Тую дытыну окрестыты.
Ище жъ которому бѣ то давъ Богъ козаку, альбо мужику, дытыну одружи-
ты (обвѣнчать),
То нейды до пона благословитьца;
А пойды до жиды до рандара, да положъ быты (битый) талеръ,
Щобъ позволивъ церковь одчиниты,
Тую дытыну одружиты.
Ищежъ жиды рандари въ тумъ не перестали:
На славнуи Украины вси козацьки рики зарондовали;
Которыбъ - то козакъ, альбо мужикъ, исхотивъ (пожелалъ) на рички рыбы
вловиты,
Свою жунку зъ дѣтьми покормыты,
То нейды до пана благословитьца,
А пойды до жиды до рандара, да поступи ему часть оддаты,
Щобъ позволивъ на рички рыбки вловиты,
Свою жунку зъ дѣтьми покормыты.
Который бы козакъ исхотивъ на рички утя вбыты,

** И самъ отъ себя прибавляетъ: *да-нема! нехай теби халена!* т. е. да нѣтъ ничего—пусть тебѣ всё злое. *Халена* отъ Греческаго: *Χαλέπιδ* — трудное. Или такъ: да нема! нехай теби *Цураха* или: *цур - теби, нек - теби*. Это такія малороссійскія фразы, которыхъ нельзя перевести слово въ слово; опъ сильнѣе, чѣмъ: «отойди прочь отъ меня, я тебя *чуждаюсь*.»

Жунку свою зъ дитми покормыты,
То вейды до пана благословытьця,
Да пойды до жида до рандаря, да поступи ему що небудь,
Щобъ позволивъ на рички утя вбыты,
Жунку свою зъ дитми покормыты.
То одынь козакъ мимо кабакъ иде,
За плечыма мушкетъ несé,
Хоче на рички утя вбыты:
То жидъ - рандарь у кватърку (стекло оковное) поглядае,
На жидовку свою стыха (потихоньку) словами примовляе:
«Эй жидовочка жъ моя Рася!
Шо сей козакъ себѣ думае?
Шо вунъ у кабакъ не вступитъ,
За денежку горилки не купитъ.
Менé жида рандаря не перепроситъ,
Щобъ позволивъ ему на рички утя вбыты.»
То жидъ рандарь стыха подхождае,
Козака зъ заду за-паты (волосы) хватае,
То козакъ на жида рандаря искоса, якъ медвьидь, поглядае,
Ище жида рандаря мастывымъ паномъ узывае.
«Эй жиду, жиду! Мастывый пане!
Позволь мини на рички утя вбыты,
Свою жунку зъ дитми покормити!»
Тогди жидъ рандарь у кобакъ уходяе,
На жидовку свою стыха словами примовляе:
«Эй жидовочка жъ моя Рася!
Буть мини у Билуй Церкви наставнымъ равомъ! (равниномъ)
Назвавъ мене козакъ мастывымъ паномъ!»
Одъ тогди жъ то, икъ (какъ) у Святы день, у Четвертокъ,
Жида рандаре у Билуй Церкви на сеймъ избирались,
Междо собою раду малы,
Стыха словами примовлялы:
«Эй жида вы, жида рандаре!
Шо теперь у васъ, на славноу Украини слышно?»
Слышенъ, говорятъ, у насъ Гетьманъ Хмельницьки;
Икъ отъ Билои Церкви да до славного Запорожа
Не така стоить жидовска сторожа!
То озоветьця одынь жидъ Аврамъ,
У того бувъ невелики крамъ, (лавочный товаръ)
Тульки шпильки да иголки;
Шо ходывъ по-за Днѣпромъ, да дуривъ козацьки жонки.
«Эй жида жъ вы, жида рандаре!
Екъ изъ нызу литни вытеръ повбие,
Вся ваша жидовска сторожа погине.»
Тогди жъ - то икъ у Святы день во вторныкъ

Гатьманъ Хмельницьки козакувъ до всходу сонця у походъ виправлявъ
(отправляялъ)

И стыха словами примовлявъ :

« Эй ! козаки, диты, друзи !

Прошу васъ, добре дбайте ! (старайтесь)

Одъ сна вставайте ,

Руськи: Отче Нашъ читайте !

На Славну Украину прибувайте !

Жидовъ-рандаровъ у пень (въ конецъ) рубайте !

Вьри свои Християньской у поругу не подайте !

Жидовському шабасу не польгуйте ! »

Тогди жъ то жиды рандаре догадливы бувалы,

Вси до города Поленого повтекали.

Тогди Хмельницьки на славну Украину прибувавъ,

То жиды рандара негодного (ни одного) не зуостававъ.

То Гатьманъ Хмельницьки не пышенъ (не гордъ) бувавъ ,

Пудъ городъ Поленогъ прибувавъ,

Одъ своихъ рукъ лысты писавъ,

А въ лыстахъ приписувавъ:

« Эй ! Полоняне ! Полоняньская громада ! (общество)

Колы бъ вы добре дбалы, (хорошо сдѣлали)

Мини жидувъ рандаровъ до рукъ подады ! »

То воны ему отпысали:

« Паше, Гатьмане Хмельницьки !

Хоть будемъ одинъ на - днумъ (одинъ на одномъ) лягаты, (ложиться)

А не можемъ тьби жидувъ рандаровъ до рукъ податы. »

Тогди жъ то Хмельницьки одъ рукъ своихъ лысты писавъ,

У городъ Поленогъ други разъ подававъ:

« Эй Полоняне, Полоняньская громада !

Не хороша ваша рада !

Есть у менѣ одна пушка, сирота !

Одчинятыця (отворятся) ваши широкіе железные ворота ! . . . »

Одъ тогди жъ-то икъ у Святы день Четвертокъ

Хмельницьки до всходу солнца устававъ,

Пудъ городъ Поленогъ ближе прибувавъ,

Въ городъ Поленогъ гостынецъ подававъ . . . . .

Тогди Жиды рандары горкимъ голосомъ заволяли: (закричали)

« Эй, Полоняне ! Полоняньская громада !

Колыбъ вы добре дбалы,

Одъ Полны ворота одпыралы,

Да насъ за Вислу ричку хоть у въ одныхъ рубашкахъ пускалы,

То бъ мы за Быслою ричкою перебували,

Да соби дитей дожидалы,

Да ихъ добрыми дылами науцалы,

Щобъ на козаццу Украину и кривымъ окомъ не поглядды. »

Отъ тогда жь-то козакамъ у городи Полонози
Дана воля на три часы съ половиною: «пійте, гуляйте!
Коло жидувъ рандаровъ соби наживу хорошу майте!»
Тогда жь-то козаки на славну Украину обратно прибували,
Очертомъ (кружкомъ) съдали,
Сребро и злато на три части поевали (дѣлили):
Первую часть на Покрову Сѣчовую, да на Спаса Мижигорського отдали;
А другую часть на меду, да на оковитуй горильци пропивали, *
Третью часть мижло собою козаками поевали.
Тогда не одинъ козакъ за пана Хмельницькаго Бога просивъ,
Що не одинъ жидувськи жупанъ зносивъ.
Тогдажъ то Хмельницьки помёръ, а слава ёго козацька невмере, неполяже!

4. Замѣчательнѣе всего время жнитва! Жнутъ тихо; каждый, по пословицѣ, *на себя работаетъ*. Но когда хозяинъ дожинаетъ послѣднюю ниву, семейство его поетъ пѣсню, въ которой свои труды хвалитъ, а лѣность другихъ порицаетъ. На примѣръ: Иванъ трудолюбивъ, а Афанасій лѣнивъ; вотъ и поютъ:

Ой чѣ-то поле
Зазвенило стоя.
Зазвенило, зазвенило стоя!

Иванове поле
Зазвенило стоя.
Зазвенило, зазвенило стоя!

Женцы молодые,
Серпы золотые.
Зазвенило, зазвенило стоя!

И жито пожали,
И въ кони поклали.
Зазвенило зазвенило, стоя!

Опанасове (Афанасьево) поле
Задремало, стоя!
Задремало, задремало стоя!

Женци все старые,
Серпы лубяные.
Задремало, задремало стоя!

Жита не пожали
Серпы поломали
Задремало — задремало стоя!

* «Оковитая горьлка» — горячее вино столь крѣпкое, что когда его пьешь, то глаза (око) какъ будто выпяса.

На томъ мѣстѣ, гдѣ жатва оканчивается со всѣмъ, хозяинъ оставляетъ горсть несжатыхъ колосьевъ и называетъ эту горсть «бороною», говоря: *оставлю на бороду!* За тѣмъ, сложивъ житные снопы въ кошы, идутъ все къ бородѣ и мужчина непременно долженъ заломать эту бороду посреди *на востокъ* и опять пустить ее *концами на востокъ* же, какъ бы въ *благодарность за начало и за конецъ!* Послѣ этого онъ долженъ перевязать бороду вверху красною ниткою, а прочіе жнецы украшаютъ эту бороду всякаго рода цвѣтами, опалываютъ траву кругомъ нея и въ срединѣ, и наконецъ, въ средину ея кладутъ краюшку хлѣба, кусочекъ соли и сплетаютъ крестъ изъ колосьевъ, который приносятъ въ домъ на цѣломъ хлѣбѣ и освящаютъ въ день Преображенія. Всѣ эти дѣйствія надъ бороною сопровождаются слѣдующею пѣснью:

Сядятъ ведмидь (медвѣдь) на капи (на кони) *

Дывується бороди:

«Ой — дыво минн.

«Объ туй бороди!

«Ой чія жъ то борода,

«Чорнымъ шовкомъ увита?

«Чорнымъ шовкомъ увита,

«Срибломъ золотомъ улыта?

Иванова борода!

Чорнымъ шовкомъ увита,

Срибломъ золотомъ улыта.

Опасоважъ борода

Мачулами увита,

А смолою улыта!

Идя съ поля домой, жнецы поютъ еще съ большимъ восторгомъ, похваляясь своими трудами:

Ой мы жъ своему пану

Снарядыли славу!

Снарядыли, снарядыли славу!

* Слово «медвѣдь» употребляютъ здѣсь по тому, что люди живутъ близь лѣса. Въ другихъ дальнихъ отъ лѣса селеніяхъ поютъ: «Сидитъ воронъ», т. е. ворона.

И жито пожали
И въ копы покмалы
                    Снарядыли, снарядыли славу!
Наставыли купакъ
Якъ на неби зурокъ
                    Снарядыли, снарядыли славу!
Наставыли стожкувъ
Якъ де небудь божкувъ *
                    Снарядыли, снарядыли славу!
Поставыли копки
Да вларыли гопки
                    Снарядыли, снарядыли славу!

Эту пѣсню поють, идя домой, за селомъ, и въ селъ, и на дворъ, и въ избъ, и послѣ ужина; всѣ похваляются своими трудами, что они «снарядыли славу»!

Послѣ этаго, естественно, рождается вопросъ: если эти люди такъ трудолюбивы, то отъ чего же они бѣдны?

Бѣдны они отъ того, что семейства ихъ раздробляются. и большая ихъ часть малоземельны; къ тому еще и земля у нихъ неплодородная **, отъ чего многіе переселились въ губерніи Екатеринославскую, Таврическую и въ Черноморское Войско; нѣкоторые и теперь еще желаютъ переселиться.

ЛЮБИМЫЯ ЗАНЯТИЯ.

Главный промыселъ здѣшнихъ жителей — табакъ; но цѣны на табакъ низки. Отдаленность городовъ также не способствуетъ Александровцамъ. Они не успѣютъ еще табакъ хорошо обработать или высушить, какъ уже везутъ его — сырой и зеленый — продавать въ мѣстечко Мему, 8-го сентября; а это вредитъ зажиточности жителей, во-первыхъ потому, что табакъ продается по 40-ти или 45-ти к. сер. за пудъ, гораздо дешевле сухаго и хорошо приготовленнаго табака въ ноябрь и декабрь мѣсяцахъ; во-вторыхъ, этотъ худой и дешевый табакъ естественно *устанавливаетъ уже цѣну и на хорошій*; ибо повѣренные отъ

* «Какъ гдѣ нибудь божковъ». А другіе поють: «Якъ у церкви божкувъ».

** Земля неплодородна и къ обработкѣ неудобна. Для одного плуга надобно здѣсь имѣть 4 рогатыя скотины, а это не всякій можетъ имѣть, и потому *на одну соху спрягаются обыкновенно два хозяина*.

Рижскихъ купцовъ, находящіеся въ мѣстечкѣ Менѣ, козаки и Евреи, *сообразно* съ этими дешевыми цѣнами, стараются уже какъ можно скорѣе закупить для вѣрителей своихъ нужное количество табаку, съ тѣмъ, чтобы скорѣе получить за трудъ по 40-ти к. асс. съ пуда. Такимъ образомъ сырой и дешевый табакъ естественно вредитъ хорошо приготовленному, а торгъ табакомъ въ Ригѣ существенно отъ того страдаетъ.

Кромѣ того, здѣшніе жители работаютъ еще топоромъ: строятъ мельницы и магазины для хлѣба, и отправляются на заработки. Съ недавняго еще времени начали они промышлять и заработками на водѣ. Какъ скоро весною осушится земля, каждый отправляется или водою въ Екатеринославскую и Таврическую губерніи, для доставленія деревянной (чужой) посуды и хлѣбнаго товара байдаками (отъ чего и говорятъ: пошовъ на байдакъ!), за что получаютъ 3 р. сер. въ мѣсяць; или же сухимъ путемъ и пѣшкомъ идетъ въ тѣже губерніи, для снятія тамъ посевовъ и травы, за что получаетъ 50 к. сер. въ сутки и болѣе, смотря по тому, какъ велико требованіе на рабочихъ. Зимой, кто побогаче, сами везутъ продавать свой табакъ въ Минскую и Витебскую, болѣею же частію въ Могилевскую губерніи, въ особенности въ мѣстечко Гомель*.

* Для избѣжанія обмана со стороны Евреевъ, тѣ, которые по расторопнѣе, уговариваются за деньги съ тамошними жителями изъ Христіанъ, чтобы они продали ихъ табакъ вмѣсто своего; въ такомъ случаѣ обмана и не бываетъ.